

Различный опыт проживания детей в полных и неполных семьях: сравнение поколений, родившихся в 1950-х – 1980-х годах в России и Франции

Елена В. Чурилова¹, Сергей В. Захаров²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия

² Страсбургский университет, Страсбург, 67081, Франция

Получено 31 October 2023 ♦ Принято в печать 21 November 2023 ♦ Опубликовано 22 December 2023

Цитирование: EV Churilova, SV Zakharov (2023) Different experiences of children living in two-parent and single-parent families: Comparing generations born in the 1950s-1980s in Russia and in France. Population and Economics 7(4):24–38. <https://doi.org/10.3897/popecon.7.e114980>

Аннотация

В данной статье на основе панельных данных двух волн выборочного исследования, выполненного в России в 2004 и 2007 гг. и во Франции в 2005 и 2008 гг. в рамках международной программы сравнительных исследований ЕЭК ООН «Поколения и гендер», анализируются тенденции изменения опыта проживания детей в полных и неполных семьях с учетом времени жизни, проведенного среднестатистическим ребенком в полной и неполной семье в России и во Франции. Проведенный анализ выявил, что несмотря на более позднее начало в России второго демографического перехода и примерно равные доли рожденных у одиноких матерей, российские дети, рожденные в полной семье с обоими родителями, далее чаще, чем французские, живут в неполных семьях, но рожденные вне брачно-партнерских союзов имеют преимущество перед французскими по опыту проживания в полных семьях и по времени жизни в них. Изучение межпоколенной динамики показывает, что для России очевидна тенденция к увеличению из поколения в поколение времени проживания таких детей в полных семьях, для Франции же данный показатель практически стабилен.

Ключевые слова

Россия, Франция, дети, жизненный цикл, неполная семья, одинокое родительство, полная семья, международная программа «Поколения и гендер», выборочное исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»

Коды JEL: J11, J12, J13

Введение

Серьезные изменения в формах организации семейной жизни идут в течение четырех последних десятилетий в развитых западных странах и порядка трех десятилетий — в России. Они связаны с увеличением возраста вступления в первый брак, ростом числа разводов, повторных браков, рождений вне брака и институционализацией сожительства как новой формы брачно-партнерского союза и объясняются в рамках теории второго демографического перехода [Lesthaeghe, 2010]. Факт общественного принятия и превращения в норму сожительства и внебрачных рождений детально исследован как зарубежными, так и российскими исследователями [Prioux, 2006; Kalmijn, 2007; Захаров, 2007; Zakharov, 2008; Hoem et al., 2009; Mitrofanova, Artamonova, 2016; Andreev et al., 2022]. Однако очевидно, что в условиях жизненного цикла, ставшего более вариативным, увеличения частоты распада семей и вступления в новые брачно-партнерские союзы [Andersson, 2002; Andersson, Philipov, 2002; Andersson et al., 2017], а также расширения многообразия моделей семейно-брачных отношений изучение только лишь брачного статуса индивидов, без учета влияния его динамичности и изменчивости на самого индивида и членов его семьи, не может дать полной картины возможной вариативности в организации семейной жизни современных людей.

Обычно изучение динамики смены брачно-партнерского состояния ведется с точки зрения взрослых женщин и мужчин, что позволяет выявить как разнообразие брачно-семейных траекторий, так и изменение длительности и вероятности пребывания в том или ином брачно-партнерском состоянии. Гораздо реже исследователи берутся за исследование состава семьи, в которой живут дети от рождения до совершеннолетия. Однако, как показывают зарубежные исследования, опыт проживания ребенка с одинокой матерью в течение всего периода детства или значительной его части, опыт пережитого развода родителей или смерти одного из них могут оказывать краткосрочное или долгосрочное влияние на различные аспекты в последующей жизни ребенка: его здоровье, успехи в учебе, поведение во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и на будущие семейные отношения [см. обзорные работы, например, Amato, Spencer, 2010; Bernardi et al., 2013; Härkönen et al., 2017]. Распространенность детской бедности традиционно связывается с увеличением числа детей, воспитываемых одинокими матерями [Duncan, Rodgers, 1991; Eggebeen, Lichter, 1991]. Учитывая вариативность форм организации семейной жизни, пришедшую на смену модели «один брак на всю жизнь», мы можем предположить, что подобные перемены отразились и на частоте и длительности проживания ребенка в полной семье или с одинокой матерью. Так, можно предположить, что и во Франции, и в России увеличившийся риск для ребенка воспитываться одинокой матерью может в какой-то степени компенсироваться возросшими шансами для матери обрести партнера. Современные общества гораздо более толерантно, чем в прошлом, и сегодня даже поощрительно относятся к вступлению в брак женщины с ребенком, к повторным союзам женщин-матерей, даже если они не подкреплены формальной регистрацией брака.

Таким образом, исследование смены семейных форм в течение детства, оценка средней длительности экспозиции статусов «полная»/«неполная» семья в более благополучной для семей Франции и менее благополучной России важны для понимания особенностей условий проживания, воспитания и социализации детей на различных этапах их жизни, ставших более вариативными в современных обществах.

Изучение динамики семейных форм с точки зрения детей — трудная, а потому редкая задача, за которую берутся исследователи, поскольку она требует наличия данных обо всех переменных в брачно-партнерском статусе матери с момента рождения ребенка. Такая информация может быть доступна из ретроспективных или лонгитюдных исследований. К сожалению, для

России, в отличие от других стран, такого рода исследования чрезвычайно редки¹, а для международных сравнений мы можем использовать лишь одно выборочное исследование, отвечающее нужным требованиям. Мы проанализировали опыт смены детьми различных семейных форм, используя уникальную возможность унифицированных и гармонизированных баз данных международного сравнительного исследования, проведенного в рамках программы «Generations and Gender (Поколения и гендер)» [Gauthier et al., 2018] для России и Франции. Авторы данной статьи ставят следующие задачи: изучить распределение рождений по брачному статусу матери по поколениям детей, сравнить и оценить тенденции изменения опыта проживания детей в полных и неполных семьях, а также время жизни, проведенное среднестатистическим ребенком в полной и неполной семье.

В данной работе мы исходим из теории жизненного цикла, согласно которой события, которые переживает ребенок в детстве, влияют на его дальнейшую судьбу и демографическое поведение [Elder, 1998]. В качестве первого события, которое может повлиять на дальнейшую социализацию ребенка, мы рассматриваем брачный статус его матери в момент его рождения. Хотя большинство рождений, несмотря на распространение сожительства, происходят в браке, оценки доли рождений вне брачно-партнерских союзов разнятся. Так, К. Кирианн дает оценку распространенности первых рождений в Западной Европе по брачно-партнерскому статусу матери и утверждает, что практика рождения детей до вступления в первый союз с совместным проживанием партнеров мало распространена как в странах с высокой долей внебрачных рождений, так и в странах с низкой их долей [Kiernan, 2001; Kiernan, 2004]. Г. Андерссон и Д. Филиппов, основываясь на данных международной программы сравнительных исследований «Family and Fertility Surveys (FFS)/Семья и рождаемость», разделяют страны на три группы: страны с низким уровнем рождений вне брачно-партнерских союзов (браки и устойчивые сожительства²), к которым относятся католические Италия, Испания и фламандская часть Бельгии; страны со средней долей рождений у одиноких матерей, к числу которых относятся, например, Латвия, Австрия и Франция; страны с высокой долей рождений вне брачно-партнерских союзов, к числу которых принадлежат США [Bumpass, Lu, 2000; Andersson, 2002; Andersson, Philiprov, 2002]. Можно предположить, что Россия относится к странам со средней распространенностью рождений вне устойчивых союзов с совместным проживанием партнеров (см. оценки, выполненные по данным РидМиЖ: [Рождаемость и воспроизводство..., 2009: 124-36]), и мы далее в статье подробно рассматриваем этот вопрос.

Е. Иванова и А. Михеева в качестве причин одинокого материнства приводят классификацию ситуаций, приводящих к регистрации детей как не имеющих отца: 1) рождение ребенка для себя; 2) сохранение сожительства без установления отцовства; 3) непредвиденные ситуации, такие как вдовство или развод во время беременности [Иванова, Михеева, 1998; Михеева, 2012]. В то же время опыт зарубежных стран показывает, что поддержка одиноких матерей со стороны государства также влияет на распространенность рождений вне брачно-партнерских союзов [Gonzales, 2005; Gonzales, 2006].

1 В России на настоящий момент имеется лишь одно панельное исследование — «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» / Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE (см.: <https://www.hse.ru/tlms/>), в котором год за годом опрашиваются одни и те же респонденты, что позволяет последовательно изучать изменения их социально-экономических характеристик, индикаторов уровня здоровья и пр. Программа данного исследования не делает акцент на детальном мониторинге смены брачно-семейного состояния в связке с рождением детей у респондентов, что не позволяет использовать его базу данных для наших целей. Более подходящее для этого исследование семьи и рождаемости «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»/РидМиЖ, данные которого авторы используют в статье, было прекращено после проведения третьей волны в 2011 г.

2 Согласно принятой методологии, для всех стран — участников программы сравнительных исследований для определения устойчивого союза без формального оформления брака был принят критерий совместного проживания партнеров в течение 3 месяцев и более.

Если в случае с сохраняющимся сожителем можно сказать, что ребенок растет в полной семье, то рождение ребенка в отсутствие отца формирует изначально неполную семью. По данным эмпирических исследований, некоторая доля женщин, изначально воспитывающая ребенка в одиночку, позднее начинает проживать с биологическим отцом ребенка [Иванова, Михеева, 1998; Гурко, 2008]. И, хотя семьи одиноких матерей значимо представлены в структуре российских семей с детьми, для значительной части женщин одинокое материнство является временным состоянием [Захаров, Чурилова, 2013].

Последствия от проживания в неполной семье проявляются для ребенка как в виде худшей успеваемости в школе [McLanahan, Sandefur, 1994], более раннего прекращения учебы и устройства на работу, так и в более раннем формировании семьи, рождении ребенка в молодом возрасте, чаще — вне официального брака [McLanahan, Bumpass, 1988; Kiernan, 1992]. Пережитый развод, в зависимости от скорости адаптации к новым жизненным обстоятельствам, оказывает краткосрочное или долгосрочное влияние на благосостояние, здоровье и благополучие как самих бывших супругов, так и детей [Amato, Spencer, 2010]. Дети, перенесшие развод родителей, чаще сами в дальнейшем расторгают свой первый брачно-партнерский союз [Kiernan, Cherlin, 1999].

Исследования показывают, что страны Европы и США значительно различаются по доле детей, растущих в неполных семьях [Andersson, 2002; Andersson, Philipov, 2002]. У большинства детей структура семьи меняется один или несколько раз на протяжении периода детства. При этом для детей с разным статусом в момент рождения жизненные циклы семьи значительно отличаются. Последствия проживания в неполной семье и степень их проявления зависят от причины проживания ребенка в неполной семье, и, как показывают исследования, дети, потерявшие одного из родителей в связи с его смертью, мало отличаются от детей из полных семей, но дети разведенных родителей находятся в самом уязвимом положении, даже по сравнению с детьми, рожденными у одиноких матерей [Kiernan, 1992].

Д. Бретон с соавторами, сопоставляя вероятности распада родительского союза во Франции и в России, приходят к выводам, что в России дети чаще живут в неполных семьях, чем во Франции, риск распада родительского союза неодинаков в различных когортах рождения детей, и для России он максимален для детей, рожденных в 1990-е [Breton et al., 2009; Бретон и др., 2010]. А.С. Барашкова по результатам исследования семей в Республике Саха отмечает, что неполные семьи очень редко становятся полными, и наибольшие шансы найти отца для ребенка имеют молодые женщины. Если одинокой матери больше 35 лет, то ее шансы создать полную семью малы, что объясняется дефицитом потенциальных партнеров на брачном рынке [Барашкова, 1998]. Аналогичный вывод делает К. Цабель: одинокие матери в России с маленькими детьми или с несколькими детьми вступают в новые отношения с меньшей вероятностью, чем бездетные женщины. Однако те одинокие матери, которые оказались в сложной экономической ситуации, вступают в партнерский союз быстрее, чем они могли бы это сделать при других обстоятельствах [Zabel, 2008].

Данные

Для изучения поставленных вопросов были использованы результаты двух волн репрезентативных на национальном уровне выборочных опросов населения для России и Франции, проведенных по единой методологии в рамках международного лонгитюдного обследования «Поколения и гендер / Generations and Gender Program (GGP)» (см.: <https://www.ggp-i.org/>). Мы использовали базы микроданных, гармонизированных для международных сравнительных исследований¹.

1 Базы данных для стран — участников программы GGP открыты для исследователей. Координатором выступает Нидерландский институт демографических исследований (NIDI): <https://www.ggp-i.org/data/methodology/>; <https://www.ggp-i.org/data/>

Российское исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»/РиДМиЖ было выполнено в рамках программы «Поколения и гендер» Независимым институтом социальной политики (НИСП, Москва) в 2004 г. (первая волна) и в 2007 г. (вторая волна). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям НИСП с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). О методологии и программе исследования см.: [Захаров и др., 2007].

Французское исследование в рамках этой программы было проведено в 2005 г. (первая волна) и 2008 г. (вторая волна) Национальным институтом статистики и экономических исследований (Париж, Франция). Концепция и инструментарий обследования были разработаны Национальным институтом демографических исследований (Париж, Франция) с участием Национального института статистики и экономических исследований. Более подробную информацию об обследовании см. <https://erfi.web.ined.fr/index.htm>.

Выбор Франции как страны для сравнения обусловлен двумя причинами. Первая заключается в том, что второй демографический переход и, следовательно, изменения в демографическом поведении людей начались во Франции в конце 1960-х гг., то есть на два десятилетия раньше, чем в России. Вторая причина заключается в отличиях французской политики поддержки семей с детьми от российской: во Франции на протяжении всего рассматриваемого периода существовала довольно разветвленная система различных семейных пособий, в том числе для одиноких матерей [Зубченко, 2009]; в России в советский период семьи одиноких родителей хотя и получали некоторую финансовую поддержку, но на уровне идеологии такая форма организации семейной жизни осуждалась, подчеркивалась их неполноценность и воспитательная несостоятельность [Гурко, 2008]. В переходный период 1990-х гг. из-за ухудшения финансирования социальных программ одинокие матери находились в условиях повышенного риска бедности, в современной же России одиноким матерям оказывается незначительная поддержка [Ярская-Смирнова, Романов, 2004; Данковцев, Маскалянова, 2020], а отцы после развода зачастую не исполняют свои обязанности по уплате алиментов [Алименты в России..., 2012; Антонов, 2023].

Для решения задач исследования была использована информация о первых детях. С использованием панельных данных были изучены биографии от рождения до 18 лет 3335 детей из российской выборки и 1612 детей из французской выборки, рожденных с 1950 по 1989 г. Для проведения анализа использовались только данные о детях, для которых известна вся информация о датах начала и окончания их проживания с отцом и без отца. Поколения детей, рожденные до 1950 г. и после 1989 г., были исключены из анализа: первые из-за своей немногочисленной представленности в выборке, вторые — из-за возраста, недостаточного для построения полных биографий. Все дети были разделены на 4 группы по десятилетиям рождения: 1950–1959, 1960–1969, 1970–1979 и 1980–1989 гг.

В данной работе под полной семьей понимается семья, в состав которой входят один или несколько несовершеннолетних детей и два совместно проживающих родителя, состоящих в брачно-партнерском союзе: в официальном браке или в сожительстве с длительностью не менее трех месяцев подряд. Под неполной семьей понимается семья, состоящая из матери и одного или нескольких детей в возрасте до 18 лет. Наличие в семье совместно проживающих иных родственников (бабушек, дедушек, тетей, дядей и пр.) не учитывается.

Результаты

Распределение рождений в поколениях детей по брачному статусу матери

Распределение рождений по брачному статусу матери позволяет проследить динамику изменений доли рождений у матерей-одиночек, в браке и в консенсуальных союзах (рис. 1). В первых послевоенных поколениях детей 1950–1959 годов рождения и в России, и во Франции

наблюдалась довольно высокая доля детей, рожденных одинокими матерями: 23,1% во Франции и 17,3% в России. Столь высокие уровни объясняются тем, что женщины репродуктивных возрастов, вынужденные отложить формирование брачного союза и рождение ребенка из-за войны, в послевоенный период столкнулись с дефицитом мужчин на брачном рынке. Поколения детей 1960–1969 годов рождены матерями из поколений 1930–1940-х годов рождения, и их также характеризует высокая доля детей, рожденных у одиноких матерей: 15,4% во Франции и 16,4% в России. Совершенно другую картину мы видим у детей, рожденных в 1970-е и 1980-е годы: порядка 90% из них в обеих странах рождены в полных семьях, а доли рожденных у одиноких матерей и в поколениях 1970-х, и в поколениях 1980-х равны.

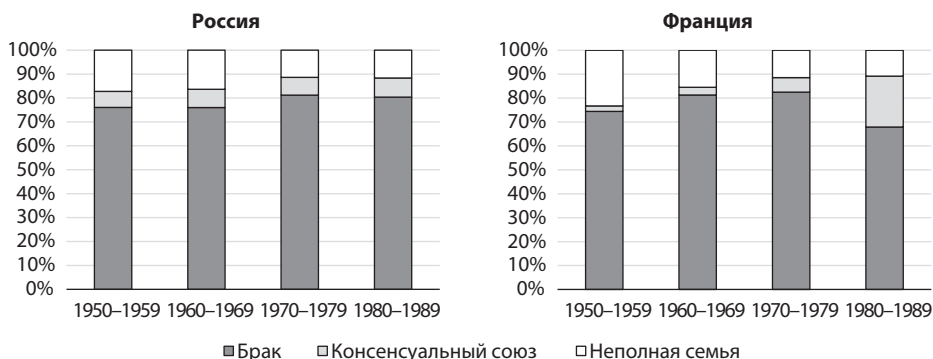

Рисунок 1. Распределение рождений в поколениях детей по брачному статусу матери, поколения детей по году рождения, Россия и Франция. *Источник:* расчеты авторов. *Примечание:* здесь и далее авторами была использована гармонизированная международная база данных GGS (см.: <https://www.ggp-i.org/data/>).

Кроме того, на примере Франции отчетливо прослеживается влияние второго демографического перехода, начавшегося в конце 1960-х: если в поколениях детей 1950–1959 годов рождения только 2,3% были рождены в незарегистрированном союзе, то в поколениях 1960–1969 годов рождения таковых 6%, а в поколениях 1980–1989 годов рождения — 20,7%.

Опыт проживания детей в полных семьях

Опыт проживания в полной семье измеряется кумулятивной долей детей, которые к определенному возрасту жили в полной семье с родными отцом и матерью или матерью и отчимом (табл. 1). Она представляет собой долю рожденных в брачно-партнерских союзах и увеличивается за счет приобретения опыта проживания в полной семье частью детей, рожденных одинокими матерями. В России с каждым поколением сокращалась доля детей, рожденных в неполных семьях и никогда не проживавших в течение детства в полной семье. При этом из поколения в поколение остается стабильным возраст, до которого половина таких детей получала опыт проживания в полной семье, и он составляет 3 года. Аналогичную тенденцию мы видим и во Франции, при этом возраст получения первого опыта проживания в полной семье для детей из неполной семьи совпадает в обеих странах.

Опыт проживания детей в неполных семьях

Несмотря на сходства в детском опыте проживания в полных семьях в обеих странах и незначительные различия между когортами детей по году рождения, такой показатель, как кумуля-

тивная доля детей, имевших опыт проживания в неполной семье к определенному возрасту, дает совершенно иную картину. В Таблице 2 показаны накопленные доли детей, имевших опыт проживания в неполной семье к определенному году жизни, в каждом из рассматриваемых поколений. Данный показатель складывается из доли родившихся у одиноких матерей и доли детей, переживших хотя бы один раз развод, расставание родителей или смерть отца.

В России доля детей, хотя бы один раз в течение детства живших в неполной семье, значительно ниже в поколениях 1950-х годов рождения и составляет 35,3%. В последующих трех поколениях детей она колеблется около 41%. Заметим, что поколения 1950-х — это поколения, в которых было больше всего детей, родившихся у одиноких матерей. Это значит, что доля

Таблица 1. Накопленная доля детей по поколениям, имевших опыт проживания в полной семье от рождения до 18 лет, Россия и Франция

Год рождения	Родились в полной семье	К возрасту 1 год	К возрасту 3 года	К возрасту 6 лет	К возрасту 10 лет	К возрасту 15 лет	К возрасту 18 лет
Россия							
1950–1959	82,7	84,3	85,4	87,1	87,9	88,4	88,6
1960–1969	83,6	85,4	87,1	88,1	88,3	88,8	89,2
1970–1979	88,6	90,1	91,5	92,5	93,6	93,8	93,9
1980–1989	88,4	90,3	91,6	92,7	93,5	94,2	94,3
Франция							
1950–1959	76,1	80,5	81,7	82,4	82,8	82,8	83,2
1960–1969	84,1	86,3	88,3	89,0	89,8	90,3	90,5
1970–1979	87,4	89,5	91,0	91,9	92,6	93,7	94,4
1980–1989	86,8	90,2	91,9	92,3	92,9	93,3	93,8

Источник: расчеты авторов.

Таблица 2. Накопленная доля детей по поколениям, имевших опыт проживания в неполной семье от рождения до 18 лет, Россия и Франция

Год рождения	Родились в неполной семье	К возрасту 1 год	К возрасту 3 года	К возрасту 6 лет	К возрасту 10 лет	К возрасту 15 лет	К возрасту 18 лет
Россия							
1950–1959	17,3	18,6	20,3	24,0	28,5	32,5	35,3
1960–1969	16,4	18,3	21,2	26,5	31,6	37,0	40,8
1970–1979	11,4	14,2	18,7	25,8	31,7	36,7	40,5
1980–1989	11,6	15,2	20,8	26,5	32,1	38,0	41,9
Франция							
1950–1959	23,3	24,0	24,4	25,2	26,0	29,4	30,9
1960–1969	15,5	16,0	17,7	19,0	21,2	26,7	29,2
1970–1979	11,4	13,0	14,1	15,7	20,0	25,8	29,1
1980–1989	10,2	11,7	14,5	18,4	22,7	29,1	33,2

Источник: расчеты авторов.

детей, переживших развод/расставание родителей или смерть отца, ниже, чем в следующих поколениях детей, и составляет 18,1%. На поколениях российских детей прослеживается изменение возраста, к которому половина детей, рожденных в полных семьях и воспитывающихся в какой-то момент детства в неполных, получили первый опыт проживания в неполной семье: в поколениях 1950–1959 и 1960–1969 годов рождения — это возраст между 6 и 10 годами, а в поколениях 1970-х и 1980-х — это возраст, близкий к 6 годам.

Опыт проживания детей в неполных семьях во Франции лишь отдаленно напоминает опыт российских детей. Суммарная доля детей, имевших опыт проживания в неполных семьях, меньше во Франции во всех поколениях детей: на 4,4 процентных пункта (п.п.) в поколениях 1950-х, на 11,6 п.п., 11,3 п.п. и 8,7 п.п. в поколениях 1960-х, 1970-х и 1980-х годов рождения соответственно. Поколение детей, рожденных в 1950-е, аналогично характеризуется наибольшей долей детей, рожденных одинокими матерями, и минимальной долей детей, переживших распад родительской семьи или смерть отца, — всего 7,6% детей, что примерно в 2,4 раза меньше, чем в России. В этих поколениях половина детей, рожденных в полной семье и имевших опыт проживания в неполной семье, приобрела его в возрасте до 15 лет, в поколениях 1960-х годов — аналогично, в поколениях 1970-х годов — до возраста чуть старше 10 лет, а в поколениях 1980-х — до возраста 10 лет.

Итак, мы наблюдаем примерно одинаковую долю детей, рожденных в неполных семьях в рассматриваемых поколениях в обеих странах. При этом признаки второго демографического перехода появились во Франции к началу 1970-х, тогда как в России — в середине 1990-х, что, казалось бы, должно было привести к большей доле детей, имеющих опыт проживания в семьях обоих типов во Франции. Но во Франции доля детей, имеющих опыт проживания в неполных семьях, оказалась ниже, чем в России. Возможное объяснение кроется, в частности, в различиях бракоразводного законодательства: развод в семьях с детьми во Франции, в отличие от России, осложнен наличием обязательного периода сепарации с бывшим партнером и серьезными финансовыми тратами на адвокатов и пр. В России высокий риск развода в условиях более либерального законодательства дополняется особенно выраженной сверхсмертностью мужчин в трудоспособных возрастах.

Опыт проживания детей в семьях разного типа

На рис. 2 представлено распределение детей по типу семей, в которых они когда-либо проживали в течение детства. В России с каждым поколением все меньше детей проводят свое детство как исключительно в неполной, так и исключительно в полной семье. Напротив, значительно увеличилась доля детей, имевших опыт проживания в семьях обоих типов: с 23,6% в поколениях 1950-х до 35,6% в поколениях 1980-х.

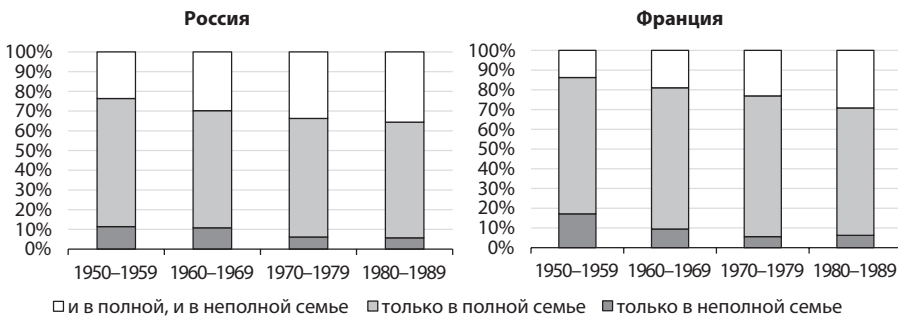

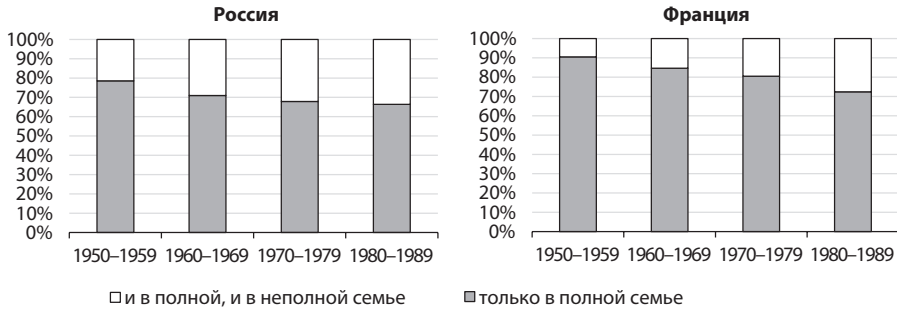
Рисунок 2. Доля детей, проживавших только в полных, только в неполных или в полных, и неполных семьях, поколения детей по году их рождения, Россия и Франция. *Источник:* расчеты авторов.

Для детей, родившихся во Франции, характерна аналогичная тенденция: из поколения в поколение доля детей, имевших опыт проживания в семьях обоих типов, увеличивалась, а проживших весь период детства только в полной или только в неполной семье, снижалась.

Однако, если в обеих странах доли детей, имевших опыт проживания только в неполной семье, примерно равны и составляют около 6%, то доля детей, имевших опыт проживания только в полных семьях, в России ниже во всех рассматриваемых поколениях детей.

Если рассматривать категории родившихся в брачно-партнерских союзах и в неполных семьях отдельно, то изменения еще более очевидны (рис. 3А, 3Б).

А) Дети, рожденные в полных семьях

Б) Дети, рожденные в неполных семьях

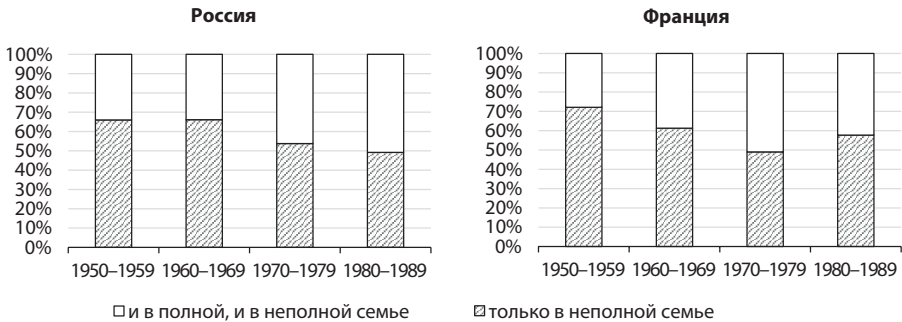

Рисунок 3. Доля детей, проживавших только в полных, только в неполных или и в полных, и неполных семьях среди родившихся в полных семьях (А) и в неполных семьях (Б), поколения детей по году их рождения, Россия и Франция. *Источник:* расчеты авторов.

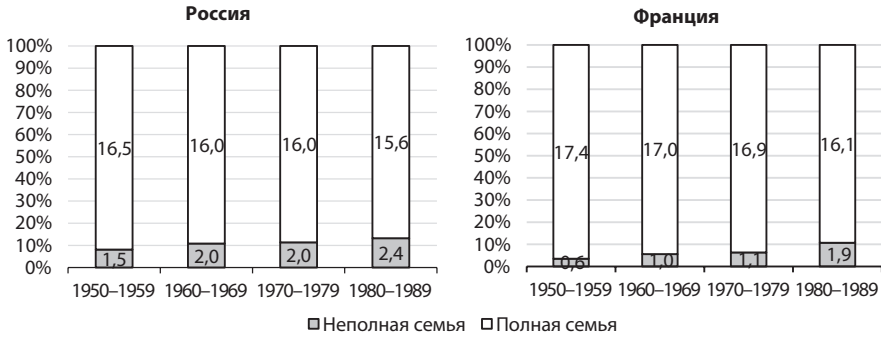
Если среди родившихся в полной семье в поколениях 1950-х годов рождения 21,5% детей в России и 9,5% детей во Франции жили в какой-то момент в неполной семье или несколько раз имели такой опыт до 18 лет, то среди поколений 1980-х таковых детей 33,6% в России и 27,6% во Франции. Среди детей, родившихся в неполных семьях, доля воспитывавшихся хотя бы часть периода детства в полных семьях, увеличилась в России с 34% в поколениях 1950-х до 50,8% в поколениях 1980-х, во Франции — с 27,9% до 42,3% соответственно.

Время детства, проведенное детьми в семьях разного типа

Как было сказано выше, с каждым поколением все большая доля детей, рожденных в полной семье, минимум один раз за время детства проживает в неполной семье, и, наоборот, все больше детей, рожденных у одиноких матерей, в детстве хотя бы один раз проживают в полной

семье. Анализ временного периода детства, представленный на рис. 4 как в виде среднего числа лет, так и в процентных долях времени детства, позволяет оценить длительность социализации детей, рожденных в полных семьях или у матерей-одиночек, в семьях разного типа.

А) Дети, рожденные в полных семьях

Б) Дети, рожденные в неполных семьях

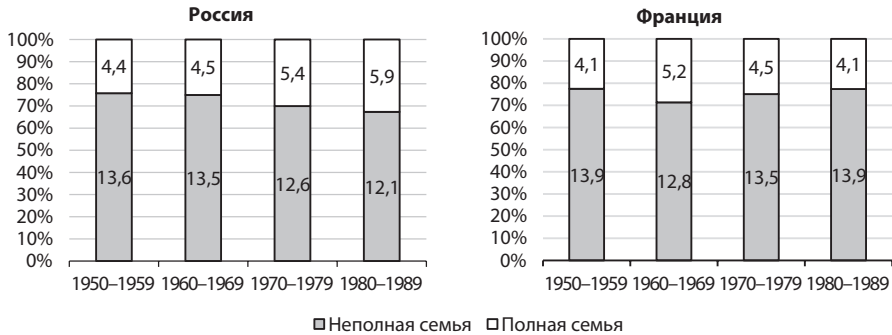

Рисунок 4. Среднее время (значения в годах указаны в столбцах) и доли периода детства до 18 лет, проведенные детьми в полных и неполных семьях среди рожденных в полных семьях (А) и в неполных семьях (Б), поколения детей по году их рождения, Россия и Франция. *Источник:* расчеты авторов.

Дети, рожденные в брачно-партнерских союзах, в среднем с каждым поколением все больше времени проводят в неполной семье. В России средняя длительность проживания в неполной семье увеличилась с 1,5 года для поколений 1950–1959 годов рождения до 2,4 года для поколений 1980–1989 годов рождения; иначе говоря, первые послевоенные поколения детей провели в неполной семье 7,3% общего периода детства до 18 лет, а их дети, рожденные в 1980-х годах, — 13,3%.

Во Франции произошли аналогичные изменения: дети, родившиеся в брачно-партнерских союзах в 1950-х, в среднем жили в неполной семье 0,6 года, или 3,5% от общего периода детства, а поколения, родившиеся в 1980-х, провели в среднем 1,9 года, или 10,7% от времени детства в неполной семье.

Таким образом, тенденция к увеличению времени проживания в неполных семьях детей, родившихся в полных семьях, характерна для обеих стран. Хотя во Франции средняя длительность периода жизни без отца пусть незначительно, но меньше, чем в России; это объясняется тем, что семьи француженок из полных становились неполными в среднем с детьми более старшего возраста.

Для российских детей, рожденных у одиноких матерей, видна устойчивая тенденция к уменьшению среднего времени, проведенного в неполной семье в течение детства: если дети, рожденные в 1950-е, в среднем провели 13,6 лет (или 75,8% общего периода детства) в неполной семье, то в поколениях 1980-х годов — уже 12,1 года (или 67,3% времени детства).

Тенденция к уменьшению времени жизни в неполной семье для детей, рожденных у одиноких матерей, не так очевидна на французских данных: для поколений 1950-х характерны 13,9 года или 77,5% периода детства в неполной семье, для поколений 1960-х — 12,8 года (71,3%), а для поколений 1970-х и 1980-х годов — 13,5 лет (75,1%) и 13,9 лет (77,4%) соответственно.

Заключение

В данной статье был рассмотрен опыт проживания послевоенных поколений детей в полных и неполных семьях в России и Франции с использованием данных сравнительных выборочных исследований, проведенных в рамках международной программы «Поколения и гендер».

Результаты нашего исследования подтвердили общую направленность изменений в обеих странах, касающихся семейных условий социализации детей в контексте перемен, которые в наиболее общем виде формулируются в виде концепции второго демографического перехода: организация семейной жизни становится более сложной и многообразной в обеих странах в силу растущего разнообразия форм брачно-партнерских отношений и возможного выбора для индивида брачно-семейных траекторий. Соответственно, дети воспитываются в более динамичных условиях семейной социализации и под растущим риском смены (неоднократной) брачно-партнерского статуса матери.

В то же время наше исследование выявило не только сходства, но и важные различия в тенденциях, наблюдаемых в России и Франции, в том числе при сравнении поколений детей, родившихся с начала 1950-х до конца 1980-х годов.

Проведенный анализ выявил сходство России и Франции в распределениях первых рождений по брачно-партнерскому статусу матери. В обеих странах в рассматриваемых когортах 1950-х и 1960-х годов рождения была высока доля детей, родившихся у одиноких матерей: более 21% во Франции и 17% в России (по данным рассматриваемых выборочных исследований). В поколениях, рожденных в 1970-е и 1980-е, в обеих странах она снизилась до примерно 11%.

Если рассматривать опыт проживания детей, родившихся вне брачно-партнерских союзов, изначально у матерей-одиночек (т.е. у женщин, не декларировавших проживание с партнером на момент рождения ребенка, включающих разведенных и овдовевших), то между Россией и Францией также различия невелики: доли детей, имевших опыт проживания только в неполной семье, примерно равны в обеих странах и составляют около 6%. Однако дети, родившиеся у матерей-одиночек в России, находились в более выигрышном положении по сравнению с французскими детьми по суммарному времени жизни до достижения возраста 18 лет, проведенному в полных семьях с отчимом или иными партнерами матери. Для России очевидна тенденция к увеличению из поколения в поколение времени проживания таких детей в полных семьях, для Франции же данный показатель практически стабилен. Возможная причина неодинаковых тенденций кроется в различиях социальной поддержки: в России она менее существенная, чем во Франции, что, возможно, заставляет больше российских одиноких матерей быстрее находить нового партнера, который будет приносить в семью доход.

Опыт проживания в неполных семьях российских и французских детей сильно отличается. Хотя в обеих странах видна тенденция к увеличению доли времени жизни в неполных семьях детей, родившихся в брачно-партнерских союзах, во Франции больше детей провели все свое детство в полных семьях, а среди имевших опыт проживания в неполной семье — приобрета-ли его в более позднем возрасте по сравнению с российскими детьми.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сравнить опыт проживания детей в семьях различных типов в двух странах — Франции, относящейся к Западной Европе, вступившей во второй демографический переход в конце 1960-х и характеризующейся щедрой политикой поддержки семей с детьми, и России — страны Восточной Европы, в которой признаки второго демографического перехода проявились в конце 1980-х – начале 1990-х и в которой на политике поддержки одиноких матерей, в целом менее щедрой, чем во Франции, более заметно отражалась специфика отдельных исторических периодов, в том числе и с точки зрения экономического развития. Было показано, что обе эти столь разные страны характеризуются повышающейся вариативностью условий проживания детей в семье, однако, несмотря на одинаковую предпосылку — равную долю рождений вне брачно-партнерских союзов, — разным опытом и длительностью проживания детей в полных и неполных семьях.

В данном анализе не были разделены такие формы брачно-партнерских союзов, как брак и сожительство, так как мы были ограничены размерами выборки и, соответственно, малой долей детей из рассматриваемых поколений, рожденных в консенсуальных (не оформленных официально) союзах. Вопрос об особенностях их влияния на динамику семейных форм в течение детства в сравниваемых странах остается открытым для изучения.

Финансирование

В статье использованы результаты исследований, поддержанных Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, а также Институтом демографии Страсбургского университета.

Список использованной литературы

- Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей (2012) Авт. колл.: Л.С. Ржанницына [и др.]. Проект Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН. URL: http://genderbudgets.ru/biblio/Rzhanistina_alimenty_v_rossii_2012.pdf
- Барашкова А.С. (1998) Генезис неполных семей Республики Саха (Якутия) // Социологические исследования: (12): 72-8.
- Бретон Д., Попова Д., Приу Ф. (2010) Распад родительского союза во Франции и России: текущая ситуация и изменение вероятности наступления события для ребенка. В: С.В. Захаров, Л.М. Прокофьева, О.В. Синявская (ред.). Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. По материалам исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Сб. аналитических статей. Вып. 3. Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 41-69. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/socpol/pdf/RiDMiG-3_2010.pdf
- Гурко Т.А. (2008) Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=740>
- Данковцев О.А., Маскалянова С.А. (2020) Феномен одинокого материнства в российском обществе: региональный аспект // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки: 4: 62-8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinokogo-materinstva-v-rossiyskom-obschestve-regionalnyy-aspekt>
- Захаров С.В. (2007) Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России: 16(4): 73-112. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5165>
- Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В. (2007) Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии. В: Т.М. Малева, О.В. Синявская (ред.) Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических

- статей. Вып. 1. М.: НИСП, 35-74. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/socpol/socpol_v1.html
- Захаров С.В., Чурилова Е.В. (2013) Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования // Мир России: Социология, этнология: 22(4): 86-117. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4983>
- Зубченко Л.А. (2009) Семейная политика Франции. Актуальные проблемы Европы. Сборник научных трудов / РАН ИНИОН. Ред. колл.: Т.Г. Пархалина (гл. ред.) и др. М.: ИНИОН (2): 72-92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-politika-frantsii>
- Иванова Е.И., Михеева А.Р. (1998) Внебрачное материнство в России // Мир России. Социология. Этнология: (4): 167-74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnebrachnoe-materinstvo-v-rossii>
- Михеева А.Р. (2012) Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. URL: http://lib.ieie.su/docs/2012/Mikheeva2012Chelovek_v_sfere_chastnoy_zhizni.pdf
- Рождаемость и воспроизводство населения (2009) В: А.Г. Вишневский (ред.) Население России 2007. Пятнадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 74-147. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_07/sod_r.html
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (2004) Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России: 13(2): 66-95. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5262>
- Amato P.R., Spencer J. (2010) Divorce in Europe and the United States: Commonalities and differences across nations // Family Science: 1(1): 2-13. <https://doi.org/10.1080/19424620903381583>
- Andersson G. (2002) Children's experience of family disruption and family formation: Evidence from 16 FFS countries // Demographic research: 7(7): 343-64. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2002.7.7>
- Andersson G., Philipov D. (2002) Life-table representations of family dynamics in Sweden, Hungary, and 14 others FFS countries: A project of descriptions of demographic behavior // Demographic research: 7(4): 67-144. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2002.7.4>
- Andersson G., Thomson E., Duntava A. (2017) Life-table representations of family dynamics in the 21st century // Demographic Research: 37(35): 1081-230. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.37.35>
- Andreev E.M., Churilova E., Jasilioniene A. (2022) Partnership Context of First Births in Russia: The Enduring Significance of Marriage // European Journal of Population: 38(1): 37-58. <https://doi.org/10.1007/s10680-021-09600-5>
- Bernardi F., Härkönen J., Boertien D., Andersson L.R., Bastiais K., Mortelmans D. (2013) Effects of family forms and dynamics on children's well-being and life chances: literature review / Families and Societies Working Paper Series: 4. URL: <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2014/12/WP04BernardiEtal2013.pdf>
- Breton D., Popova D., Prioux F. (2009) La séparation des parents en France et en Russie : situation et évolution des risques du point de vue des enfants // Revue d'études comparatives Est-Ouest: 40(3-4): 37-62. URL: <https://www.cairn.info/revue-d-etudes-comparatives-est-ouest1-2009-3-page-37.htm>
- Bumpass L., Lu H.-H. (2000) Trends in Cohabitation and Implications for Children's Family Contexts in the United States // Population Studies: 54(1): 29-41. <https://doi.org/10.1080/713779060>
- Duncan G.J., Rodgers W. (1991) Has Children's Poverty Become More Persistent? // American Sociological Review: 56(4): 538-50. <https://doi.org/10.2307/2096273>
- Evgebeen D.J., Lichter D.T. (1991) Race, Family Structure, and Changing Poverty among American Children // American Sociological Review: 56(6): 801-17. <https://doi.org/10.2307/2096257>
- Elder G.H., Jr. (1998) The Life Course as Developmental Theory // Child Development: 69(1): 1-12. <https://doi.org/10.2307/1132065>

- Gauthier A.H., Cabaço S.L.F., Emery T. (2018) Generations and Gender Survey study profile // Longitudinal and Life Course Studies: 9(4): 456–65. <https://doi.org/10.14301/llcs.v9i4.500>
- Gonzalez L. (2005) The Determinants of the Prevalence of Single Mothers: A Cross-country Analysis. IZA Discussion Paper No. 1677. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/1677/the-determinants-of-the-prevalence-of-single-mothers-a-cross-country-analysis>
- Gonzalez L. (2006) The effect of benefits on single motherhood in Europe. IZA Discussion Paper No. 2026. URL: <https://docs.iza.org/dp2026.pdf>
- Härkönen J., Bernardi F., Boertien D. (2017) Family Dynamics and Child Outcomes: An Overview of Research and Open Questions // European Journal of Population: 33: 163–84. <https://doi.org/10.1007/s10680-017-9424-6>
- Hoem J.M., Kostova D., Jasilioniene A., Muresan C. (2009) Traces of the Second Demographic Transition in Four Selected Countries in Central and Eastern Europe: Union Formation as a Demographic Manifestation // European Journal of Population: 25: 239–55. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9177-y>
- Kalmijn M. (2007) Explaining cross-national differences in marriage, cohabitation, and divorce in Europe, 1990–2000 // Population Studies: 61(3): 243–63. <https://doi.org/10.1080/00324720701571806>
- Kiernan K.E. (1992) The Impact of Family Disruption in Childhood on Transition Made in Young Adult Life // Population Studies: 46(2): 213–34. <https://doi.org/10.1080/0032472031000146206>
- Kiernan K. (2001) The role of cohabitation and childbearing outside marriage in Western Europe // International Journal of Law, Policy and the Family: 15(1): 1–21. <https://doi.org/10.1093/lawfam/15.1.1>
- Kiernan K. (2004) Unmarried Cohabitation and Parenthood in Britain and Europe // Law&Policy: 26(1): 33–55. <https://doi.org/10.1111/j.0265-8240.2004.00162.x>
- Kiernan K.E., Cherlin A.J. (1999) Parental divorce and partnership dissolution in adulthood: Evidence from a British cohort study // Population Studies: 53(1): 39–48. <https://doi.org/10.1080/00324720308068>
- Lesthaeghe R. (2010) The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and Development Review: 36(2): 211–51. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x>
- Mitrofanova E., Artamonova A. (2016) The perspectives of family policy in Russia amid increasing cohabitation // European Journal of Government and Economics: 5(1): 47–63. <https://doi.org/10.17979/ejge.2016.5.1.4315>
- McLanahan S., Bumpass L. (1988) Intergenerational Consequences of Family Disruption // American Journal of Sociology: 94(1): 130–52. <https://doi.org/10.1086/228954>
- McLanahan S., Sandefur G. (1994) Growing Up with a Single Parent: What Hurts, What Helps. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Prioux F. (2006) Cohabitation, marriage and separation: contrasts in Europe // Population and Societies: (422): 1–4. <https://doi.org/10.3917/popsoc.422.0001>
- Zabel C. (2008) Patterns of partnership formation among lone mothers in Russia. MPIDR Working Paper WP-2008-020. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2008-020>
- Zakharov S. (2008) Russian Federation: From the first to second demographic transition // Demographic Research: 19(24): 907–72. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>

Другие источники данных

- Антонов С. (2023) Алименты глазами статистики. Кто, кому и сколько должен // Тинькофф Журнал. 29.03.2023. URL: <https://journal.tinkoff.ru/alimony-stat/>

Сведения об авторах

- Чурилова Елена Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований населения и здоровья Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия. Email: evchurilova@hse.ru
- Захаров Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографии Страсбургского университета, главный научный сотрудник Института демографии имени А.Г. Вишневского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия. Email: zakharov@unistra.fr